

Я терпеть не могу собирать вещи. Не то чтобы их слишком много, но и немало. Они все какие-то разные, как дни в году. Я достаю все из шкафа и вываливаю на кровать.

Та-а-к. Это мы берем. Отличное платье. Вопрос: куда я в нем пойду? На ужин. Хорошо. Значит, туфли. Или босоножки? Та-а-к, надо померить. Да, босоножки лучше. А если дождь? В Питере может быть что угодно. Тогда туфли. Но в босоножках лучше. Ладно. Туфли и босоножки. А педикюра нет. Отлично. Завтра сделаю. Нет, завтра не успею. Тогда можно сделать в Питере. И потратить полдня? Нетушки. Да что меня заклинило на этих босоножках? Не буду их брать. Возьму туфли. А к чему они еще подходят? ??? Ни к чему. Черт! Тогда зачем мне вообще это платье? Ладно, вторая попытка. Берем джинсы. Да, вот эти, новые. Сидят классно. Двадцать шестой размер. Ремень, та-ак, ботинки, тоже новые, каблук высокий. Да, чем длиннее джинсы, тем длиннее смотрятся ноги. А сверху что? Маленький свитерочек из кашемира с коротким рукавом. Вот. То, что надо. Я самозабвенно кручусь перед зеркалом.

Вот в этом и полечу. Нет. Не полечу, потому что в самолете кондиционер работает на полную катушку и с коротким рукавом будет холодно, не май месяц. Сидеть весь полет в пледе, как чукча? Так, где эта кофточка трикотажная, серая, с бордовым вырезом?

Люба, вы что, ее стираете? Зачем, она же чистая. Табаком пахнет? Так это вчера меня прокурили в гримерке, вы бы лучше ее на открытое окно повесили. Что? Там дождь? Ну ладно. Ой, господи.

Я сгребаю вещи на одну сторону и плюхаюсь на кровать. У меня пропал энтузиазм. Носить нечего. С ненавистью смотрю в гардеробную. Опять скопилась куча хлама. Надо раздать все. Круговорот говна в природе.

Я могу собираться таким образом целый день. Пить чай, говорить по телефону, ходить в трусах по квартире. Потом, с нездоровым блеском в глазах, броситься к чемодану, как Александр Матросов на амбразуру пулемета. Наконец огромный серо-голубой чемодан, судя по тяжести, из пуленепробиваемого пластика захлопывает свою ненасытную пасть. Я триумфально набираю код и откатываю чудовище к стене. Представляю, как меня клянут грузчики в аэропорту. Надо сказать, что чемодан я беру, если еду больше чем на три дня. А на короткие вылазки со мной едет сумка, пронзительно розового цвета, продвинутой английской марки. Ее несет мой импресарио, он же

директор Артемкофф. Суровое бородатое лицо, простая и добротная одежда в сочетании с этой сумкой навевают на разные мысли. Положение спасает специальный музыкантский кофр с аппаратурой в другой руке. А-а-а, музыкантики, подвиньтесь, нехай люди сядут.

Я сижу в ВИПе, читаю книжку. Рядом со мной клон той розовой сумки, что на плече у Артемкова. Точно такая же, с белым львом, только маленькая. Вот мы в паре и выступаем. Театр начинается в аэропорту. Мы в образе. Я — звезда, а он — верный импресарио.

Нет, я вовсе не выпендриваюсь. Я играю леди, недоступную, но не из-за надменности, а оттого, что просто погружена в свои мысли, на губах у меня блуждает немного грустная полуулыбка, взгляд кроткий и незащитный, хотя я уже слишком хорошо знаю о несовершенстве этого мира. О, как она страдала! Но быть Анной Карениной хорошо в зимнее время, когда у тебя на плечи наброшено невесомое соболье манто, мой самый удачный рекламный контракт с меховым салоном. «Второй Меховой!» Меня спрашивают: как вы относитесь к тому, что ваша песня в рекламе уже всех задолбала?

— У меня теперь этих шуб, как у дурного — фантиков. И еще столько же мне должны. А «Гринпис» и всех задолбавшихся пошлите в Сибирь. В вегетарианскую столовую.

Итак, дыша духами и туманами, она садится у окна.

А вот летом я играю студентку элитного колледжа, хохотушку, одетую просто, но стильно. Шучу с персоналом, смеюсь. Летом мне почему-то не хочется духов и туманов. Да и без меха страдать неудобно. Как-то невысоко получается. В джинсах и открытой майке. Неубедительно. Так что летом я даже не пользуюсь косметикой, только блеск для губ. Знакомьтесь — молодость и красота! Это фраза из спектакля «Чайка. Настоящая оперетка», в котором я играю.

— Внимание! К сведению пассажиров! Рейс 156 компании «Трансаэро» задерживается на неопределенное время.

— Ну вот, курочки мои, началось.

Фотограф Королев улыбается нам плотоядной улыбкой:

— Напьемся зато как свиньи, с чистой совестью.

— Миш, с твоей совестью всегда все ОК. Как у меня в детском саду.

Света, на мой взгляд, потрясающе красивая женщина, причем слово «женщина» употребляется в божественном смысле, а не как показатель возраста. В этом смысле «девушка» звучит как что-то недозревшее, аморфное. Света — настоящая француженка. Она, конечно же, русская, но выглядит так, как мы себе представляем француженок. Темно-пепельные, блестящие и прямые волосы,

изящной маленькой шапочкой обрамляющие высокие, как у Одри Хепберн, скулы, прозрачная белая кожа и светло-зеленые, морской волны, глаза. Высокая, бывшая манекенщица Дома моделей, длинноногая и так красиво, лирообразно, широкобедрая. На самом деле, все или почти все французенки мелкие и невзрачные. Их нужно рассматривать вблизи, крупным планом, чтобы в полной мере ощутить их шарм.

Свету же видно издалека. Когда она подошла к стойке регистрации, я даже рот открыла.

— Видишь, сколько набрала тебе красоты?

Я оторвала взгляд от нее и уставилась на огромный чемодан на колесиках.

— Вся «Дольчегабана» наша. — Букву «Г» она произнесла с хохлятским акцентом.

Я кивнула ей и радостно подумала, что вот, свой человек. Они с Мишей уже давно работают в паре. Он — фотограф, она — визажист-стилист.

Рядом со мной стоит еще одна девушка, которую представил Троицкий:

— Знакомьтесь: Лина, начинающая актриса. Теперь еще и модель нашего журнала. Алена, Света, Миша.

Лина обводит нас взглядом с поволокой. Она в образе.

— Ну что, давайте выпивать, делать все равно нечего.

Троицкий — известный музыкальный критик, а теперь еще, по совместительству, главный

редактор журнала «Playboy». Подбил меня на авантюру сняться для журнала. На обложку. Я немного поломалась для приличия, но потом согласилась. Терять мне было нечего, спрашивать не у кого — мой американский муж окончательно приобрел приставку «экс».

— Сиськи-пиписьки можешь не показывать, если не хочешь, — артисткам не обязательно, хотя желательно, Свиридова, не ссы.

Таким нехитрым образом подогревал Троицкий мой внезапный эротический порыв. Сиськи-пиписьки я показывать и не собиралась. Троицкому я доверяю. Еще будучи простой белорусской девушкой, живя в городе Минске, я восхищалась его стильным видом и непримиримыми суждениями. Поэтому в самом начале своей карьеры в Москве, когда я так остро нуждалась в поддержке, при виде столь мощной в мире музыки фигуры я вытянулась в струнку, ожидая битья.

— Хорошие пишешь песни, Свиридова. — Троицкий ласково посмотрел на меня красными, чуть опухшими, невыразимо печальными глазами. — Красивые.

Он сидел, развалясь, на диване, эдакий Байрон, решивший в приятный теплый вечер снизойти к юному дарованию.

— Подозрительно что-то, — отвечаю я. — Вы же такой непримиримый.

— Да старый стал, наверное. Сентиментальный.

Вот так и началась наша дружба. Носила ли она эротический характер? Если и да, то очень смутный. Однажды мы встретились на каком-то мероприятии, он предложил меня проводить до дому, но была хорошая погода, тепло, мы вышли для начала пройтись.

— А, может быть, пойдём ко мне? — сказал Троицкий. — Жена уехала, так что целая комната в твоём распоряжении, тебе же так далеко пилить домой.

Я действительно тогда жила на Домодедовской, в съёмной квартире, в месте, которое мне совсем не нравилось, так что уговаривать меня долго не пришлось. Мы пришли. Слушали музыку, я рассматривала фотографии на стенах, всякие картинки, мулечки и фенечки и проникалась ещё большим уважением. Потом я попросилась спать, мне постелили на супружеском ложе. Троицкий остался в гостиной.

— Спокойной ночи, — умиротворенно сказала я. — Спасибо за приют.

— Больше ничего не хочешь? — спросил Троицкий.

Я помотала головой. Он закрыл дверь.

Через пять минут постучал, приоткрыл дверь:

— Ты точно больше ничего не хочешь?

— Нет, спасибо за все.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Утром мы сходили в магазин, так как в холо-

дильнике не было ровным счетом ничего. Я приготовила отличный завтрак — это для меня святое. Так что нашу дружбу ничего не омрачает вот уже много лет.

— К сведению улетающих! Рейс 156 откладывается до утра. Пассажиров просим подойти к стойке регистрации для получения информации.

Мы сидим в кафе на втором этаже уже четыре часа. Предвкушение полета изрядно затянулось, и мы, что называется, в кондиции. Три часа ночи.

— Компания просит извинения за задержку рейса и предоставляет вам возможность провести ночь в отеле «Новотель». Вас отвезут.

Ну что ж. Это лучше, чем сидеть в аэропорту. Мы едем туда втроем. Лина, девушка модного режиссера, к нам не присоединяется, так как выясняет отношения со своим режиссером в его машине.

Только мне удалось заснуть в гостинице, как объявили посадку и мы снова поехали в аэропорт. Наконец взлетели. «Мы едем в Холмогоры. Какое счастье!» — говорил маленький мальчик Сережа в старом фильме. А мы едем на Сейшелы. Что тоже неплохо. Это, надо сказать, и была самая главная приманка, на которую ловил нас Троицкий. Гононар за съемку совсем небольшой. Сейшельские острова! Лазурное море и жемчужный песок.

Скоро я рыбкой нырну в теплую воду и забуду все свои горести. Наша компания с удовольствием предвкушает «вакации» и поэтому решает

еще выпить виски с колой. К тому времени, как мы прилетаем в Дубай, место дозаправки и дозагрузки, я, к своему стыду, оказываюсь загружена по самую ватерлинию. Мне плохо, как-то неправильно стучит сердце, и сердобольные стюардессы обкладывают мне голову пакетами со льдом. В общем, меня даже оставили в салоне на время стоянки, заботливо прикрыв пледом, тогда как все остальные пассажиры вынуждены были гулять по дьюти-фри. Очнулась я уже на Сейше-лах. «Вышла кисонька из кухни, у ней глазоньки опухли» — эту песенку надо разучивать с детьми, так как она включена в учебную программу по пению для первого класса. Голова болит, прескверное состояние. Позорище.

— Отличилась, моя курочка. — У Светы тот же лексикон, что и у Королева.

— С кем поведешься, с тем и наберешься. — Я хмуро снимаю с движущейся ленты свой почему-то легкий чемодан и тупо жду остальных.

— Вскрыли! Не может быть! Миша! Посмотри! Ремень разрезан, не может быть! Замки сломаны или нет? Сломаны, точно, не открываются. Миш, помоги! Вот сукины дети! — Светины вопли возвращают меня к действительности.

Я подхожу ближе. Чемодан наконец открывается.

— Ни фиги себе! Половина вещей пропала! Господи, это же не мои, я их брала на съемки. Они стоят кучу денег, я не расплачусь! Все белье. Слу-

шайте, даже моего нет, так оно же ношеное, и туфли, мать вашу, и сапоги-и-и... А где мои два костюма? А платье? Это же все из торгового дома «Москва»! — красавица Света заплакала. — Мне же теперь ничего приличного нигде не дадут!

Вот оно. Привет с далекой родины. Конечно, кто же еще. В то время пока мы мирно выпивали в кафе, мирно спали в гостинице, какие-то доблестные уроды, работающие в аэропорту Шереметьево-2, радостно чистили Светкин чемодан. Радостно, потому что у них была куча времени. Я знала, что стилисты всегда берут вещи для съемок в дорогих магазинах под свою ответственность, так что пропажа на такую большую сумму делала Булычеву персоной нон-грата в мире моды.

Служащие Сейшельского аэропорта взирали на нас с чернокожей безмятежностью.

— Давайте писать петицию! Мы об этом везде напишем, мы этим сволочам покажем кузькину мать! — это я включилась в общий механизм реагирования.

— П-посмотри лучше у себя. Ничего не пропало, я надеюсь, — посоветовал Троицкий.

Я вернулась к своему одиноко стоящему чемодану. Смутное узнавание сфокусировалось на срезанных бритвой замках. Я взялась за ручку. Он не весил ничего. Потому что там ничего не было. Ну или почти ничего, не считая пары новых черных чулок — не пойму, чем не понравились, — уже поживших, но еще не потерявших вид шле-

панцев на шпильке — ну это я понимаю, не новые. Ага, майка, тоже старая, вьетнамки и — о, боже мой, — платье, длинное, черное, кружевное, с огромной широкой верхней, с белой нижней юбкой, «Дольчегабана». Да, кроме меня, оно никому не нужно. Готический костюм то ли вдовствующей королевы, то ли развратной монахини. Этот непростой образ я как раз и собиралась продемонстрировать на страницах журнала. Платье и составляло весь вес чемодана. Где же мои комбинации из тончайшего шелка, купленные не так давно в Лондоне? Где туфли? Где серебряные, из тоненьких ремешков, гламурные босоножки, тоже купленные в Лондоне? Где первый в моей жизни корсет, купленный в том же Лондоне в отделе эротического белья под нажимом Элисон? Она взяла себе такой же, только белый, так ведь у нее бюст ого-го и чернокожий бойфренд, а я-то куда, тоже мне, секс-бомба. «Бери, бери, на всякий случай». Не мой это случай, Элисон. Где... вообще все?

Я с размаху опускаюсь на корточки — так удобнее подсчитывать потери — и в довершение всего слышу глухой звук рвущейся ткани. Мои красивые шелковые брюки, выгодно подчеркивавшие округлость ягодиц, на этих самых ягодицах треснули. Поперек. В двух местах. Все правильно. Нечего было затевать это небогоугодное дело. На меня напал смех.

— Миша, если ты приехал сюда снимать голые

жопы, то можешь начинать. Я уже готова. Терять мне, в прямом смысле, нечего.

Я сначала повернулась спиной, а потом указала на чемодан. Все упали.

Это как-то разрядило атмосферу. У остальных все на месте. Потом мы заполняли соответствующие бумаги, писали заявление. Нам сказали, что, возможно, вернут деньги, исходя из расчета десять долларов за килограмм веса. В общей сложности примерно долларов по двести или триста.

— У меня одни сапоги стоят полторы штуки! — причитала Света.

— Брось, я даже считать не хочу, страшно.

— Поехали в гостиницу, бесполезняк, будем разбираться в Москве.

— Пьяная, помятая пионервожатая... — пели мы с Булычевой по пути в отель.

На следующий день собрался консилиум.

— Как будем снимать и где?

Правильный вопрос. Вопрос: «В чем?» — не стоит. В том, что есть. А что есть? Ничего. Никакого эротического белья. Есть только то, что на мне. Дорожное и простое. Еще пара чулок. Черных. И неновые черные шлепанцы. Да платье «Дольче-габана».

— Покажи. Нет, не пойдет. Ты бы еще паранджу прихватила! Ну вот и отлично, — Троицкий потирает руки. — Первый кадр снимем пря-

мо в номере, вот как раз в том, что ты говорила, в чулках и в тапках, а потом что-нибудь придумаем.

— Пошли хоть искупаемся для начала, — предлагает Света.

— Для начала мне надо бы купить купальник и шорты, идти не в чем.

Мы плетемся в маленький магазинчик при отеле, там, естественно, ничего приличного не оказывается. Покупаю себе что-то не совсем уродливое. Мы еще раз с мазохистским удовольствием вспоминаем потери и плюхаемся в теплую лазурную воду.

Да гори оно все синим пламенем! Отель, в принципе, неплохой, погода отличная, по территории ползают огромные черепахи. А в Москве — холодно и мерзко. Королев ушел собирать аппаратуру. Троицкий с Линой тоже куда-то смылись, наверное, обсуждать, в каком виде будет сниматься Лина, а это, как известно, дело очень интимное. Мы мерзко хохочем, приходим к выводу, что Лина — козлина и сильно много о себе мнит, а мы ее мнение о себе не разделяем. Тем более что у нее ничего не пропало и к завтраку она спустилась как принцесса, а не как мы, две клуши в несвежих майках. В общем, спускаем на бедную Лину весь скопившийся негатив.

Номер у меня двухуровневый. Где повыше — там огромная кровать с тумбочками, изящными светильниками и картиной экзотическо-эротической направленности. Там, где пониже, — мягкие

светлые диваны, деревянные ширмы, низкий, но длинный журнальный стол, на котором стоят ваза с фруктами и бутылка шампанского в серебряном ведерке. Compliment от отеля. Глубокое мерси.

Море плещется под самым окном. Я распахиваю его настежь. Терпеть не могу кондиционеры, от них насморк. К тому же я слышала страшную историю о каких-то кондиционерных вирусах, которые нападают, когда их не ждешь — во сне. В Москве я всегда скучаю по морскому воздуху, по шелесту волн, и даже сильный ветер меня не пугает, а наоборот, заставляет сладко спать и видеть сны, абсолютно лишённые тревоги.

Мы садимся у окна. Самое лучшее освещение для визажиста — естественное.

— Хорошо, что чемодан с косметикой я взяла с собой, а ведь была мысль сдать его в багаж, — Булычева никак не может слезть с наболевшей темы. Оно и понятно, слишком мало времени прошло. — Здесь ведь ничего не купишь, пришлось бы лететь назад.

— А как же естественная красота? — несмело интересуюсь я.

— Ну, разве что. Потом бы на компьютере подчистили, и была бы ты — как живая.

Мы хохочем. Иногда на постпродакшн тебя так подчистят, что сам себя не узнаешь. Уберут что надо — ну всякие там прыщики и мелкие морщинки — и что уж совсем не надо — мимические морщинки и складки. Вот и получается мас-

ка. Особенно это видно на больших афишах заслуженных и не очень молодых артистов. Лицо — гладкое, как попка у младенца, абсолютно лишенное всяческого выражения, с оскалом белоснежных зубов.

— А еще, ты видела афиши наших рокеров, как раз тех, которые носили длинные волосы лет двадцать-тридцать назад? — от смеха я начинаю сползать со стула.

— Сейчас просто поветрие какое-то — у всех юбилеи. Так вот, они до сих пор с длинными волосами, еще и крашеными в придачу, а морды-то, морды! Морды-то уже, за редким исключением, толстые, еле на афишу помещаются, да еще и побрились перед съемкой, чтобы аккуратненько было. Бабушки! Чистой воды бабушки! Домик в деревне!

Мы хохочем до икоты, пытаюсь представить хоть одного мужчину после сорока пяти с длинными распущенными волосами, визуальнo не потерявшего половых признаков.

— Ну, разве что Сева Новгородцев. Правда, ему тоже недолго осталось.

Напрашивается вывод, что длинные распущенные волосы — это привилегия молодости. Причем, как у мужчин, так и у женщин. Женщины в определенном возрасте с такой прической становятся похожи на фурий — взять, к примеру, Брижит Бардо. Мужчины, кстати, очень даже привлекательны с бритым черепом.

В это время открылась дверь и вошел Королев — живая иллюстрация к нашему разговору.

Бритый череп, горящий взор. Впечатление немного портили тонкие, кривоватые ноги и небольшой кругленький животик. Булычева посмотрела на него влюбленным взглядом.

— Душка! Ты, Королев, душка!

— Не совсем понимаю, почему я душка именно сегодня, но пусть. Я все принес, только один прибор остался. Вы готовы?

Мы готовы еще не были: мне как раз рисовали чувственные, цвета готовой лопнуть вишни, губы. На волосы вылили полфлакона лака, и Света руками вылепила непокорные завитки.

— Все, готово.

Повертев мою голову вправо-влево, словно это была не голова, а болванка для парика, Булычева осталась довольна результатом. Она изящно плюхнулась в кресло и закурила сигарету.

— Ты — богиня, моя курочка, — изрекла Светка, выпустив длинную струю дыма. — Предлагаю выпить шампанского, только тебе совсем немного, чтобы глаз блестел.

В это время вернулся Королев с последним прибором и прекратил наши мучения бутылкой шампанского. Мы дружно выпили по бокальчику и приступили к съемке.

Самое главное в этом процессе — фотограф. При условии, что результат будет гордо именоваться искусством. Кажется ведь, все фотографи-

руют. Техника так далеко шагнула, что и делать-то ничего не надо, нажми на кнопку — получишь результат. Вроде бы про свет и тень все читали. Кажется, все понятно, но у одних получается живопись, а у других — фото с именин тети Хаси.

Моя первая профессиональная съемка была для журнала «Cosmopolitan» восемь лет назад. До этого были какие-то фотографии в газетах, которые размещал мой директор, поскольку артистка я была начинающая и пресса мной интересовалась слабо. А тут предложение из международного журнала, который в России, правда, тоже только начинал. Но, в отличие от меня, они хорошо знали свое дело. Фотографом была женщина из Голландии, звали ее Анна-Мария. Нескладная, худая, жилистая, с длинным лицом и мужской хваткой, она сразу внушила мне благоговейный трепет. Съемка проходила у нее в квартире на Чистых прудах. Половина квартиры представляла собой студию с огромным окном и целыми лесами каких-то стоек, штативов, разноцветных фонов и прочих профессиональных прибабасов. Остальная часть была жилая и абсолютно не совковая. Я принесла с собою кучу вещей, которые мне казались супермодными и красивыми и на которые я тратила все свои, очень небольшие, деньги. Анна-Мария на все это посмотрела, радостно улыбнулась и сказала, что ничего не годится. Я почувствовала себя замарашкой. Анна-Мария похлопала меня по плечу и отвела в гардеробную.

Там висели ее вещи. Их нельзя было назвать шикарными, скорее очень простыми, но их крой и качество разительно отличались от произведений домодедовского рынка, где я доставляла себе маленькие потребительские радости. Я сразу же почувствовала, где мое место в мировом шоу-бизнесе. Эта точка была так сильно удалена от эпицентра, как затерянная в космосе искусственная звезда для сброса ядерных отходов. Мне выбрали белый брючный костюм и маленькую трикотажную маечку, похожую на тельняшку. Я недавно посетила салон модного стилиста, поэтому волосы у меня были персикового цвета, очень короткие, и мне страшно импонировало быть похожей на Энни Ленокс. Анна-Мария сходства почему-то не заметила, что обидно. Возможно, потому, что стилист нарисовал мне черные соболиные брови. Она велела сесть на огромный кожаный диван, критически меня осмотрела, брови велела стереть, а губы накрасить светлой, почти белой помадой. От старания быть «на уровне» я превратилась в дерево. В бревно. Меня усаживали и так и эдак, десять раз меняли свет, я же сидела, как аршин проглотив, в неестественной позе, с неестественным выражением лица. Анна-Мария терпеливо, как работают с умственно отсталыми детьми, объясняла, что она хочет видеть. Уверенную в себе, расслабленную молодую девушку. Самостоятельную. Восходящую звезду. Немного кокетливую, но не вульгарную. Загадочную и желанную. Я бы тоже не

прочь была все это в себе увидеть, но, как на грех, чувствовала себя некрасивой, несексуальной и совсем не уверенной в себе. Короче, как говорит стилист Зверев, Марьивановной. Полной.

Воля к победе у голландцев выкристаллизовывалась веками. Мы снимали уже часов восемь. На моем лице застыл оскал. Наконец пришла спасительная идея на диван меня все же положить, подоткнув везде, где только можно, подушки.

— Все, перерыв, не снимаем, — заверила меня Анна-Мария, — расслабься.

Столбняк постепенно прошел, мышцы наконец расслабились, и я с огромным облегчением улыбалась.

— Снято! — радостно сказала Анна-Мария, словно из пулемета расстреляв меня своим фотоаппаратом.

По моему лицу потекли слезы облегчения и стыда за то, что я такая дубина, и слезы благодарности, что меня не выгнали вон за профнепригодность. Все это делалось для одной-единственной фотографии. Она вышла в журнале, в мартовском номере. Я там очень красивая, с необыкновенно одухотворенным лицом, несколько отстраненная. Богиня, одним словом. С тех пор я понимаю высоту планки. Понимаю, что такое профессионал. Я тогда много чему научилась.

— Не спим, не спим! Свет уже стоит. — Корольев изображает на кровати художественный беспорядок, а я буду изображать утомленную любо-

вью красавицу, сидящую на краю постели. В чулках и дорожном белье.

Сначала делается полароид. Ждем три минуты, Королев по-матерински греет кассету за пазухой, чтобы быстрее проявилась. Наконец, хорошенько помахав ею в воздухе, он снимает защитный слой. Мы дружно смотрим. По свету — хорошо, макияж — супер, но вот белье... Как будто я собралась сразу бежать в спортзал.

— Миш, другого нет, — защищает меня Булычева.

— А хотите, я сниму трусы? — неожиданно для себя смело предлагаю я.

— Мне еще никто не делал лучшего предложения, — радостно отозвался Королев.

— Это не для тебя, скотина, а для искусства, — рассердилась Булычева. — Пошел вон! Когда будем готовы — позовем.

Королев выходит, я снимаю трусы с видом борца за идею.

Оставшись в бюстгальтере, в который мы подкладываем специальные силиконовые подушечки для увеличения выпуклости (слава богу, на них не польстились грабители), я надеваю свои начищенные гостиничной щеткой шлепанцы на шпильке и обратно усаживаюсь на кровать.

— Ты знаешь, вот теперь реально хорошо. Очень секси. Миша, заходи.

Мы опять делаем полароид, получается действительно очень эротично. Такое ощущение, что

девушка присела на край кровати, чтобы немного подразнить своего возлюбленного, а он уже там изнывает, облокотившись на подушки. Просто он не в кадре, и мы его не видим. Мне всегда важно придумать какую-нибудь историю, а потом ее играть. Как в театре. Вот сейчас я играю женщину, которая должна нравиться абсолютно всем мужчинам. Я смотрю в камеру спокойно и уверенно, но совершенно не агрессивно. Даже, прости господи, скромно: «Не бойся, тебе не придется думать, получится у тебя или не получится, потому что тебе будет очень хорошо. Посмотри, какая я красивая. Это для тебя. Иди сюда, мой пупсик». Мне ужасно смешно. Мы уже отсняли три пленки. Понятие сексуальности у меня свое. Хотя оно наверняка свое у каждого человека. Особенно оно разнится у мужчин и женщин. Я, наверное, сейчас играла идеальную проститутку. Нет, не проститутку, а куртизанку, птицу высокого полета, тайную мечту любого мужчины. Все же образ куртизанки в мужских глазах всегда окутан романтикой. Заблудшее создание, которое жизнь столкнула на обочину. У нее, как правило, смертельно больная мать и малолетние братья. Ее нужно немного поддержать, обогреть, и она раскроется навстречу тебе, как весенний цветок. Давайте все всплакнем. Меня, как естествоиспытателя, всегда интересовала эта тяга к представительницам известной профессии. Благо, у меня много друзей среди мужчин, которые со мной откровен-

ны, зная, что я никогда их не заложу. Так вот. Есть три категории мужчин.

Первые пользуют девушек часто и с удовольствием. Это эгоисты. Они не хотят напрягаться, не видят никакого удовольствия во флирте, не понимают желания целоваться в метро. Короче, они давно уже прекратили лазить в окна к любимым женщинам, если вообще им приходила в голову такая идея. Еще, как правило, только никому не говорите, у них проблема с потенцией. Для нормальной женщины весьма удручающий вариант. А жрицы любви все сделают сами, расскажут, что ничего подобного в своей жизни они не испытывали, будут душераздирающе стонать от нечеловеческого наслаждения и, надо сказать, профессионально делать свое дело. Ты — лучший, лучший. Верить в это невыразимо приятно. Оказываясь в постели с женщиной, скажем так, другой профессии, мужчина этой категории абсолютно уверен в том, что он половой гигант: «Любите меня, я — бог!» Он искренне не понимает, почему это ты не стонешь от множественных оргазмов, глядя на его вялый член.

Вторые — это как раз романтики. У них богатое воображение и желание получить запретные удовольствия. Они готовы на авантюры. Обычно встреча с прекрасным происходит где-нибудь на отдыхе, в поездке или командировке. Так романтичнее. Они жаждут экзотики, вспоминая «Таис Афинскую», прочитанную в детстве с фонариком

под одеялом. Как назло, попадают в дешевые приюты с негарными дивчинами, обламываются и, жалея потраченные деньги, идут спать. Но не сдаются, пробуя еще и еще. Испытывают колоссальное удовольствие, занимаясь любовью с женой.

Третьи говорят, что никогда с проститутками не спали. Тайна сия велика есть.

Что до меня, то я была знакома с двумя профессионалками. В самом начале московской жизни я познакомилась с клоунами, молодыми, очень смешными ребятами, работавшими в Театре клоунады Терезы Дуровой. Поскольку все были не местные, то жили в гостинице «Южная». В этой же гостинице жили две девчонки.

— Они работают проститутками в Израиле, — сказали мне по секрету. — А здесь отдыхают.

Девчонки, надо сказать, отдыхали культурно: ходили к клоунам на каждый спектакль, фанатели, приносили цветы, кормили бедных артистов ужином. А по ночам отдавались им же, бесплатно и самозабвенно. Мы однажды ужинали все вместе. Певица, клоуны и проститутки, просто декаданс какой-то. Девицы оказались вполне приятными. Добрые, даже симпатичные, такие здоровые кобылки, вульгарные конечно, но это издержки профессии.

— Снято! — Королев вытер вспотевший череп. — Ну и жарища тут. Как это у тебя грим не плавает?

Не плавает, слава богу. Мертвые не потеют.

Я же мутант, в раннем детстве жила с родителями на севере, в военном городке, расположенном рядом с ядерным полигоном. Тогда, конечно, никто об этом не знал. У меня не растут волосы под мышками, вернее, под правой растёт одинокая волосинка, я ее выдергиваю пинцетом. Но это так, к слову.

Вот сижу и думаю, что Мишка — отличный парень, пионер отечественной фэшн-фотографии. Мы с ним уже несколько раз работали вместе. Он отлично умеет расслабить. Он так самозабвенно бормочет, вроде бы даже не тебе: «Гениально, та-а-ак, очень хорошо, а теперь на меня, та-а-к, отлично, не меняй позу, молодец! Не двигайся ни в коем случае, посмотри в окно, супер, гениально!» При этом он скачет вокруг тебя, как вокруг новогодней елки, подправляя свет, ищет выгодный ракурс, а ты чувствуешь себя красивой, расслабленной и не думаешь, что и ноги могли бы быть подлиннее, и бюст побольше, и целлюлит поменьше. Такое чувство, что все те, кто считает тебя некрасивой, просто не умеют правильно видеть: у них либо что-то с резкостью, либо они смотрят через неправильное стеклышко. Зато хороший фотограф смотрит на модель через призму любви к прекрасному, то есть видит в тебе самое лучшее, и тогда все твои настоящие и мнимые недостатки просто уползают в тень и исчезают. То же относится и к операторам. Однажды на какой-то фэшн-съемке с незнакомым фотографом я сказа-

..... содержание

Чемодан	5
Что такое доломит?	55
Лондон, Фрейд и герцог Мальборо	72
Буря в пустыне	93
Не сезон	116
Дневник погружений	179
Хотите поспорить?	258
Биография.	315